

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Политическая лингвистика. 2024. № 2 (104).
Political Linguistics. 2024. No 2 (104).

УДК 811.161.1'42+808.51+81'25
 ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш118

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Ван До

Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, dufl duo1998@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-4521-7382>

Формирование национального образа России в свете теории проксимизации (на материале китайского переводного текста — Выступления С. Лаврова на общеполитических дебатах 78-й сессии ГА ООН)

АННОТАЦИЯ. Теоретическим базисом данной статьи служит теория проксимизации Капа (Cap). Проксимизация как стратегия речи имеет основной целью представление событий и состояний, которые физически или временно далеки (включая далекие враждебные идеологии), как имеющих негативное воздействие на говорящего/пишущего и слушающего/читающего. Материалом исследования выбран китайский перевод выступления министра иностранных дел Российской Федерации Сергея Лаврова на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Выбранный качественный метод исследования позволяет рассмотреть восприятие России внешними кризисов с точки зрения теории проксимизации и способы передачи информации об этом кризисе Китая через перевод на китайский язык. Аналитическая структура коммуникативного акта может быть представлена так: субъектом дискурса является министр иностранных дел России Сергей Лавров, который выступил с речью, а также стоящие за ним «невидимые» субъекты — Министерство иностранных дел Российской Федерации и сама Российская Федерация, объектом убеждения является китайский народ, проксимизация служит дискурсивной стратегией, позволяющей выстроить дискурсивное пространство, обуславливающее достижение цели убеждения. В данной статье рассматриваются аспекты проксимизации: временной, пространственной и ценностной — как точки входа для анализа дискурса, в свете чего изучается позиционирование России в отношении внешних кризисов. Исследование показывает, что с точки зрения пространственной проксимизации стратегия приближения проявляется в идентификации в рамках оппозиции «Мы — Они», с точки зрения временной проксимизации — прежде всего в оппозициях «Прошлое — Настоящее» и «Будущее — Настоящее», а с точки зрения проксимизации по ценностям — преимущественно в противопоставлении «их» негативных ценностей и «наших» позитивных ценностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, стратегия проксимизации, проксимизация во времени, проксимизация в пространстве, проксимизация в ценностях, политическая риторика, политические речи, публичные выступления, политические деятели, лингвоперсонология, языковая личность, политические тексты, образ России, переводоведение, китайский язык, языковые стратегии, переводные тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ван До, аспирант, Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; email: dufl duo1998@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ван, До. Формирование национального образа России в свете теории проксимизации (на материале китайского переводного текста — Выступления С. Лаврова на общеполитических дебатах 78-й сессии ГА ООН) / Ван До. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2 (104). — С. 185-196.

Wang Duo

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, dufl duo1998@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-4521-7382>

Formation of the National Image of Russia in the Light of the Theory of Proximization (Based on the Material of Chinese Translations of the Speeches of S. Lavrov at General Political Debates at the 78th Session of the United Nations General Assembly)

ABSTRACT. The theoretical basis of this article is made up by P. Cap's theory of proximization. Proximization as a speech strategy has the main purpose of representing events and states that are physically or temporarily distant (including distant hostile ideologies) as having a negative impact on the speaker/writer and the listener/reader. The Chinese translation of the speech of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov at the 78th session of the United Nations General Assembly was chosen as research material. The qualitative research method used by the author allows him to consider Russia's perception of external crises from the point of view of the theory of proximization and ways of disseminating information about this crisis to China through translation into Chinese. The analytical structure of a communicative act can be represented as follows: the subject of discourse is Russian Foreign Minister Sergei Lavrov, who made a speech, as well as the "invisible" subjects behind him — the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the Russian

Federation itself; the object of persuasion is the Chinese people; proximization serves as a discursive strategy that allows one to build a discursive space, granting the achievement of the goal of persuasion. This article examines the aspects of proximization: temporal, spatial and value-based – as entry points for the analysis of discourse, in the light of which Russia's positioning in relation to external crises is investigated. The study shows that from the point of view of spatial proximization, the approach strategy manifests itself in identification within the framework of the “We – They” opposition, from the point of view of temporal proximization – primarily in the “Past–Present” and “Future–Present” oppositions, and from the point of view of value-based proximization – mainly in the opposition of “their” negative values and “our” positive ones.

KEYWORDS: *political discourse, proximization strategy, temporal proximization, spatial proximization, value-based proximization, political rhetoric, political speeches, public speeches, politicians, linguopersonology, linguistic personality, political texts, image of Russia, translation studies, Chinese language, language strategies, translated texts.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Wang Duo, Post-Graduate Student, Dalian University of Foreign Languages, Liaoning, Dalian, China.*

FOR CITATION: *Wang Duo. (2024). Formation of the National Image of Russia in the Light of the Theory of Proximization (Based on the Material of Chinese Translations of the Speeches of S. Lavrov at General Political Debates at the 78th Session of the United Nations General Assembly). In *Political Linguistics*. No 2 (104), pp. 185-196. (In Russ.).*

1. ВВЕДЕНИЕ

Для заявленного в заглавии анализа важно учитывать событийно-политический контекст. Министр иностранных дел РФ С. Лавров выступил с речью на общеполитических дебатах 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. С одной стороны, он обвинил страны Запада во главе с США в разрушении международного порядка, нарушении принципов и целей Устава ООН, а также в совершении различных ошибок, таких как вмешательство во внутренние дела других стран. С другой стороны, он призвал страны мира содействовать созданию новой мировой системы, которая была бы равноправной, многополярной и упорядоченной. Текст для исследования взят с официального веб-сайта Посольства Российской Федерации в Китае. Общее количество слов в китайском тексте составляет 5755. Статистика частотности слов и ручное аннотирование корпуса были произведены с использованием программного обеспечения для статистического анализа *PowerConc* от Пекинского университета иностранных языков и программы для аннотации корпусов *Qualitative Coder*. Научное исследование, основанное на теории проксимизации (Car) и выявленной Чжан Тяньзем структуре речевой практики, позволяет обобщить и детально раскрыть широко используемые стратегии проксимизации в процессе конструирования речевого пространства и провести анализ эффектов приближения в переводе.

2. ЦЕЛЬ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Основная цель данной статьи — провести анализ операций по проксимизации в китайской версии выступления Лаврова с трех точек зрения: пространственной проксимизации (*spatial proximization*), временной проксимизации (*temporal proximization*) и проксимизации ценностей (*axiological proximization*). Исследование направлено на анализ форми-

рования образа России в глазах Китая через дипломатический дискурс, применяемый в выступлениях Лаврова. Учитывая, что основным объектом этой работы является «формирование образа со стороны других», а именно образа России в представлении китайцев, а также процесс легализации действий государства Россия в умах китайцев, в данном исследовании была выбрана только китайская версия выступления Лаврова (аудитория — китайская аудитория).

Теория проксимизации (*Proximization Theory*) была предложена Кэпом (Car) в дополнение к теории пространства дискурса Чилтона (Chilton) [Chilton 2004]. Приближение как стратегия речи имеет основной целью представление событий и состояний, которые физически или темпорально далеки (включая далекие враждебные идеологии), как имеющих негативное воздействие на говорящего/пишущего и слушающего/читающего. Это проявляется в том, что речевые сущности (*discourse entities*), находящиеся вдали, проецируются так, будто они постепенно вторгаются в близкую область говорящего/слушающего, вызывая их бдительность и стимулируя принятие мер по предотвращению вторжения. Таким образом, это увеличивает осведомленность и обеспечивает легализацию действий и политики говорящего/пишущего, устраняя влияние «негативных», «иностраных» и «противостоящих» сущностей (Чжан Хуэй, 2018).

В этом контексте П. Кэр [Car 2006, 2010, 2013] исследует взаимосвязь проксимизации и рационализации, функцию компенсации ценностей, а также более детально, в том числе с установлением количественных критериев, разрабатывает три основные области — времени, пространства и ценностей — с использованием лексико-грамматических признаков. Многолетние исследования различных жанров и обширных корпусов подтверждают эффективность и силу теории приближения. К. Харт [Hart 2010] рассматривает взаимосвязь приближения с принужде-

нием, рассказом и метафорой. Для преодоления ограничений этой теории, руководствуясь предложенным Хартом методом треугольной верификации, китайские ученые широко применяют методы корпусного исследования в анализе дискурса о торговых трениях между Китаем и США.

Лю Вэнью и Сю Бошу [Лю Вэнью, Сю Бошу 2018] с использованием теорий пространства дискурса и проксимизации в русле критического дискурс-анализа рассматривают «Национальную стратегию безопасности Соединенных Штатов Америки» (The National Security Strategy of the United States of America), исследуя, как стратегия проксимизации воздействует на восприятие аудитории/читателя и какие меры она предпринимает для предотвращения или легализации политики. Лю Ивэй (2019) анализирует 20 новостных статей из «The Washington Post» за 2018 г. по теме торговых трений между Китаем и США. На основе теории проксимизации Чжан Тяньвэй [Чжан Тяньвэй 2016] изучает конструкцию китайской уникальной системы дискурса и эффективные стратегии, а также анализирует выступление министра иностранных дел Австралии на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, исследуя, как политические лидеры формируют пространство дискурса, применяют стратегии дискурса и формируют и улучшают образ страны. Кроме того, Сунь Шуча [Сунь Шуча 2018] на материале учебных дискурсов английского языка в университетах анализирует, как учителя английского языка создают пространство дискурса для облегчения понимания студентами дискурса в учебных материалах. Ян Чэн [Ян Чэн 2019] анализирует стратегии приближения в интернет-слухах, привлекая

для исследования мультимодальную теорию, чтобы эффективно раскрывать когнитивные механизмы на языковом и нелингвистическом уровнях.

Видно, что исследования, основанные на теории приближения, берущие в качестве материала тексты на одном языке, уже достаточно разработаны. Однако исследований с переводоведческой перспективой все еще относительно мало. Использование переводов в качестве объекта исследования одновременно позволяет проследить двойной процесс формирования образа страны: «самопроекция» и «проекция других».

Данное исследование расширяет и обновляет аналитический арсенал, предложенный Чжан Тяньвэй [Чжан Тяньвэй 2016]. Практика дискурса включает в себя такие элементы, как субъект дискурса, цель дискурса, пространство дискурса, стратегии дискурса и другие. Взаимосвязь этих элементов представлена на рисунке 1. Субъект дискурса является исполнителем цели дискурса, создает пространство дискурса и стратегии дискурса; в то же время субъект дискурса, пространство дискурса и стратегии дискурса ориентированы на достижение цели дискурса. В процессе дискурсивной практики создание пространства дискурса, использование стратегий дискурса, анализ и операции конструирования (construal operations) имеют конечной целью достижение цели принудительной убежденности [Чжан Тяньвэй 2016]. Цель принудительной убежденности в тексте обычно подразумевается неявно и проявляется в различных стратегиях дискурса, при этом стратегии дискурса являются явными средствами и методами достижения цели принудительной убежденности в тексте.

Рис. 1. Взаимоотношения между дискурсивными элементами

Аналитическая структура рассматриваемого текста следующая: субъектом дискурса является министр иностранных дел России Сергей Лавров, который выступил с речью, а также стоящие за ним «невидимые» субъекты — Министерство иностранных дел Российской Федерации и сама Российская Федерация. Объектом принудительного убеждения является китайский народ. Стратегией дискурса служит стратегия проксимизации, с помощью которой субъект дискурса достигает построения дискурсивного пространства и достижения цели принудительного убеждения.

3. АНАЛИЗ СТРАТЕГИИ ПРОКСИМИЗАЦИИ В РЕЧАХ ЛАВРОВА

Лавров в своем выступлении на общеполитических дебатах 78-й сессии ГА ООН использовал разнообразные стратегии приближения. Ниже представлены результаты статистического анализа использования лексико-грамматических элементов стратегий проксимизации в переводе на китайский язык в контексте пространства, времени и ценностей. В целом стратегия пространственной проксимизации имеет наибольший вес среди трех стратегий приближения. Определение относительного положения внутренних (IDC) и внешних (ODC) элементов в указательном центре играет ключевую роль в позиционировании всего дискурсивного пространства. Анализ категории существительных позволяет установить, что сущность «мы» принадлежит указательному центру IDC. Статистика показывает, что выражения, связанные с «мы», в выступлении чаще всего являются объективными и позитивными концептами, такими как *честный диалог*, *поиск компромисса*, *предотвращение конфликта*, *поощрение развития дружественных отношений* и т. д., и часто совпадают с координатами России, Китая, мира и т. д., расположенными на пространственной оси рядом с «мы». На временной оси с «мы» сочетаются слова «должны» и «следует», а с внешними элементами указательного центра — «в настоящее время», «сейчас», «когда-то», «будущее» и т. д. В переводе на китайский язык использование стратегий приближения разнообразно, особенно в пространственной стратегии проксимизации, где активное употребление различных форм местоимений

и указательных существительных позитивно формирует личности IDC и ODC, четко указывая на противопоставление «мы — они». В общем, в данном выступлении в аспекте времени, пространства и ценностей три стратегии проксимизации взаимодействуют, совместно позиционируя «мы» в указательном центре, описывая современные глобальные проблемы и рисуя образ России как ответственной великой державы, активно предлагающей решения мировых проблем.

3.1. Анализ пространственной проксимизации

Как одна из трех операций конструирования в рамках теории приближения, пространственная приближенность направлена на изучение разрушительного воздействия на IDC. ODC оказывает давление на IDC, что выражается с помощью различных средств проксимизации, таких как физическая или психологическая пространственная проксимизация. Согласно аналитической структуре Капа (Cap 2013), в речи субстантивные фразы (NP) или глагольные фразы (VP) могут быть поняты как 6 видов пространственной проксимизации, включая NP, понимаемые как IDC дискурсивного пространства, NP, понимаемые как ODC дискурсивного пространства, VP, представляющие движение (motion) и воспринимаемые как признак ODC, VP, представляющие действие (action) и воспринимаемые как признак ODC воздействия на IDC, NP, определенные как абстрактные понятия, указывающие на прогноз (anticipation) воздействия ODC на IDC, NP, определенные как абстрактные понятия, указывающие на эффект (effect) воздействия ODC на IDC. Однако на практике определение NP как абстрактного понятия, указывающего на прогноз (anticipation) воздействия ODC на IDC, и NP как абстрактного понятия, указывающего на эффект (effect) воздействия ODC на IDC, в некоторой степени дублирует применение VP, представляющего движение (motion) и воспринимаемого как признак ODC, и VP, представляющего действие (action) и воспринимаемого как признак ODC воздействия на IDC. Поэтому в данной работе 6 видов пространственной приближенности были сведены к четырём видам, как показано в таблице 1.

Таблица 1. Пространственная проксимизация

Категория	Типичные выражения	Образ государства
NP как IDC дискурсивного пространства	我们 (мы), 人们 (люди), 联合国 (ООН), 盟友 (союзники), 志同道合者 (товарищи), 大家 (все), 俄罗斯 (Россия), 世界 (мир), 主权国家 (суверенные государства), 南斯拉夫 (Югославия), 伊拉克 (Ирак), 利比亚 (Ливия), 盎格鲁-撒克逊 (англосаксонский мир), 中东 (Ближний Восток), 亚洲空间 (Азиатское пространство), 东盟 (АСЕАН), 台湾 (Тайвань), 全球 (Глобальный), 平民 (Гражданские лица), 古巴 (Куба), 联合国大会 (Генеральная Ассамблея ООН), 秘书长 (Генеральный секретарь), 苏联 (Советский Союз), 叙利亚 (Сирия), 欧洲调解人 (Европейский посредник), 俄罗斯人 (Россияне), 波兰人 (Поляки), 犹太人 (Евреи), 德国 (Германия), 法国 (Франция), 波兰 (Польша), 顿巴斯居民 (Жители Донбасса), 基辅本国人民 (Национальные жители Киева), 顿涅茨克共和国 (Донецкая Народная Республика), 卢甘斯克共和国 (Луганская Народная Республика), 顿巴斯地区 (Донбасс), 觉得自己是俄罗斯人的人 (Люди, считающие себя русскими), 他们的祖先 (Их предки), 中国 (Китай), 所有其他国家 (Все остальные страны), 任何观察者 (Любые наблюдатели), 不受欢迎的国家 (Нежелательные страны), 多边机构 (Многосторонние организации), 欧洲大陆 (Европейский континент), 联合国秘书处 (Секретариат ООН), 非洲 (Африка), 拉丁美洲 (Латинская Америка), 印度 (Индия), 巴西 (Бразилия), 捍卫《联合国宪章》之友小组 (Друзья защитников Устава ООН), 持此立场的国家 (Страны, придерживающиеся данной позиции), 金砖国家 (Страны БРИКС), 上合组织 (ШОС), 东盟 (АСЕАН), 独立思考的人 (Мыслящие независимо), 竞争对手 (Конкуренты), 联合国裁军谈判会议 (Конференция по разоружению ООН), 特设委员会 (Специальный комитет), 反恐办公室 (Контртеррористическое бюро), 其他联合国系统的反恐机构 (Другие контртеррористические органы системы ООН), 集体安全条约组织 (Организация Договора о коллективной безопасности), 独联体 (СНГ), 欧亚经济联盟 (Евразийский экономический союз), 大欧亚空间 (Большое евразийское пространство), 波斯尼亚 (Босния), 科索沃 (Косово), 黑塞哥维那 (Черногория), 巴勒斯坦 (Палестина), 阿富汗 (Афганистан), 人类 (Человечество), 后代 (Потомство), 世界秩序 (Мировой порядок).	Дискурсивный субъект, представляющий справедливость, свободу, демократию, не боящийся насилия и т. д. Выступает в роли опоры в «нашем» боевом форте, противостоящем «их» группе. В данном тексте количество и тип IDC гораздо больше, чем ODC, что указывает на то, что Россия принимает различные меры, стоя на позиции большинства людей. Действия России способствуют защите законных интересов большинства стран, регионов, организаций и отдельных лиц в мире, а не только собственных интересов. Это формирует образ России как страны, открытой миру.
NP как ODC дискурсивного пространства	他们 (Они), 华盛顿 (Вашингтон), 西方国家统治精英 (Элита правящих классов западных стран), 美国及其盟友 (США и их союзники), 北约成员国 (Страны — члены НАТО), 西方 (Запад), 欧盟 (Европейский союз), 布鲁塞尔 (Брюссель), 对手 (Противник), 西方领导人 (Лидеры Запада), 五角大楼 (Пентагон), 北约欧洲盟军司令 (Командующий европейским союзным войском НАТО), 政变策划者 (Организаторы переворота), 政变组织者 (Организаторы переворота), 纳粹党 (Национал-социалистическая рабочая партия), 基辅 (Киев), 基辅当局 (Киевские власти), 基辅当局的最高领导人 (Верховные лидеры киевских властей), 新纳粹分子 (Новые нацисты), 乌克兰 (Украина), 泽连斯基 (Зеленский), 集体西方 (Коллективный Запад),	В оппозиции к субъекту дискурсивного пространства, представляющему справедливость, свободу, демократию, не боящемуся насилия и т. д., стоит враждебный субъект, символизирующий террор, зло, жестокость, беззаконие и т. д. Представлен как главный представитель «их» боевой группы, противостоящей «нам».

NP как ODC дискурсивного пространства (оконч.)	盎格鲁-撒克逊人 (Англосаксы), 美国政府 (Правительство США), 个别国家 (Отдельные страны), 美国及其卫星国 (США и их сателлиты), 西方同行 (Западные коллеги), 欧洲 (Европа).	
VP как знак движения ODC к IDC	强加社会生活组织模式 (Навязывание моделей социальной организации), 施加压力 (Оказывать давление), 不给选择理由 (Без объяснения причин), 用威胁手段 (С применением угроз), 奉行私有化 (Приверженность приватизации), 引入新自由主义话语 (Введение неолиберального дискурса), 残酷镇压 (Жестокое подавление), 企图阻止建立机制 (Попытки препятствовать созданию механизмов), 发出恐吓信号 (Посылать угрожающие сигналы), 征服欧洲 (Завоевание Европы), 发动战争 (Начинать войны), 清除苏联代理政权 (Устранение советских порученцев), 在乌克兰问题上制定战略 (Разработка стратегии по украинскому вопросу), 把军事基础设施靠近我国边界 (Размещение военной инфраструктуры близко к границам нашей страны), 公开叫嚣打败我国 (Открыто кричать о победе над нашей страной), 摧毁和肢解俄罗斯 (Разрушение и дезинтеграция России), 发行货币 (Эмиссия валюты), 限制措施 (Ограничительные меры), 单边制裁 (Односторонние санкции), 用作政治讹诈工具 (Использование в качестве политического шантажа), 胁迫不同政见者 (Навязывание отличающихся взглядов), 发动经济战争 (Начало экономической войны), 制造金融和物流障碍 (Создание финансовых и логистических преград), 扣留化肥 (Задержание удобрений), 军事基础设施离俄罗斯越来越近 (Военная инфраструктура все ближе к России), 征服亚洲空间 (Завоевание пространства в Азии), 封闭机制 (Закрытие механизмов), 破坏开放包容的地区架构 (Разрушение открытой и инклюзивной региональной архитектуры), 在围绕台湾问题玩火 (Играть с огнем вокруг проблемы Тайваня), 发动战争 (Начинать войны), 武力干预 (Военное вмешательство), 夺走生命 (Отнимать жизни), 强迫按照 (Принуждение к следованию), 挑衅 (Провокация) 等。	Процесс и основные средства угрозы, представляемой оппозиционной стороной, отражают амбиции и злое поведение, которое для нее характерно. В связи с использованием необоснованных методов оппозиционной стороной, «мы» готовы использовать людские, материальные и финансовые ресурсы в борьбе против нее.
VP как влияние ODC на IDC	办理签证遇到问题 (Проблемы с оформлением визы), 加入反俄制裁 (Присоединение к антироссийским санкциям), 破坏特权 (Разрушение привилегий), 令人无法容忍的局面 (Невыносимая ситуация), 多边机构逐渐衰落 (Постепенный упадок многосторонних организаций), 变为实现一己私利的工具 (Превращение их в инструмент достижения собственных интересов), 私有化 (Присвоение), 谁敢违抗, 谁就是下一个 (Кто осмелится противиться, тот следующий), 造成安全威胁 (Создание угрозы безопасности), 拒绝提案 (Отказ от предложений), 无法原谅 (Непростительно), 静静地看着 (Смотреть молча), 两手一摊 (Пожимать плечами), 羞辱调解人 (Унижение посредников), 实施种族清洗 (Осуществление этнических чисток), 极具破坏性 (Имеющий разрушительные последствия), 让政治大国从世界政治版图上消失 (Заставлять великие политические державы исчезнуть с карты мировой политики), 打击生活 (Удар по жизни), 引发粮食危机和能源危机 (Провоцировать кризисы в продовольственной и энергетической сферах), 加剧紧张局势 (Усиление напряженности),	«Они» представляют собой фактическое основное воздействие, которое «мы» испытываем от их угроз. Это конкретно отражает отрицательное воздействие «их» деятельности на «нас». Создается образ «их» страны, проявляющей агрессивные черты.

Окончание таблицы 1

VP как влияние ODC на IDC (оконч.)	价格上涨 (Повышение цен), 虚假信息 (Ложная информация), 粗鲁舞台表演 (Грубо срежиссированное выступление), 负面趋势 (Отрицательные тенденции), 危险现象增多 (Увеличение опасных явлений), 国际安全形势恶化 (Ухудшение международной обстановки) 等。	
------------------------------------	--	--

3.2. Проксимизация во времени

Проксимизация во времени рассматривает «сейчас», то есть «сейчас» создателя текста, как дейктический центр. Вокруг момента, обозначаемого как «сейчас», формируется временное приближение, которое включает в себя два вида концептуальных сдвигов: сдвиг из прошлого в настоящее и сдвиг из будущего в настоящее. Приведем пример сдвига из прошлого в настоящее:

(1) *Когда-то, провозгласив победу в «холодной войне», Вашингтон возвёл себя чуть ли не в ранг посланника Господа Бога на Земле, у которого нет обязательств, а есть только «священные» права безнаказанно действовать — как и где угодно.*

Хотя здесь описано «привилегированное» положение и соответствующее поведение США после победы в холодной войне, эта характеристика создает впечатление бесконечного расширения угроз, происходящих из прошлых событий. Несмотря на то, что с момента окончания холодной войны прошло 33 года, привилегированное поведение США продолжает проявляться. Это заставляет людей настороженно относиться к прошлым событиям, перенося их в настоящее время, увеличивая чувство безотлагательности решения проблемы и ясное понимание того, что «угроза» не исчезла, а продолжает расширяться. Это формирует образ России как страны, ориентированной на извлечение уроков из истории, остро чувствующей кризисные моменты.

В выступлении Лаврова есть много аналогичных случаев, например: «Цинизм этой практики очевиден. Рестрикции бьют по гражданскому населению, препятствуя получению доступа к товарам первой необходимости, в том числе медикаментам, вакцинам, продовольствию. *Вопиющим примером является длящаяся более 60 лет американская блокада Кубы.*»

(2) *Сегодня решается вопрос о будущем миропорядка — это ясно любому непредвзятому наблюдателю. Вопрос в том, будет ли это порядок с одним гегемоном, заставляющим всех жить по своим пресловутым «правилам», выгодным только ему.*

Это описание будущего мирового порядка. В настоящее время все страны стремятся к миру, демократии, упорядоченному и многополярному мировому порядку. Однако,

говоря о будущем мировом порядке, Лавров выражает пессимизм. Он предостерегает от возможного возникновения отрицательного мирового порядка в будущем — порядка, где один господин будет повелевать всеми, — перенося это из возможного в мыслимое реальным в будущем существование. Это напоминает нам, что будущее, хотя еще не наступило, связано с настоящим. Перенос будущих событий в настоящее время еще сильнее напоминает нам о необходимости предотвращения возможных бед. Формируется образ России как страны, осознающей кризисное состояние и заботящейся о судьбе всего человечества.

(3) *Сейчас Запад закатил истерику из-за проходящих в Луганской, Донецкой, Херсонской и Запорожской областях Украины референдумов, но проживающие там люди лишь реагируют на то, что им в одном из своих интервью в августе 2021 г. рекомендовал глава киевского режима В. А. Зеленский. Тогда он посоветовал всем, кто чувствует себя русскими, ради блага своих детей и внуков «уходить» в Россию. Жители упомянутых регионов сейчас так и поступают, забирая с собой при этом свои земли, на которых столетиями жили их предки.*

Это описание событий в «настоящий момент». В августе 2021 года Зеленский приказал всем жителям четырех областей на востоке Украины «укатиться» обратно в Россию. Лавров не только подчеркивает негативные последствия прошлых событий, которые простираются до сегодняшнего дня, но также акцентирует безумное поведение Запада как происходящее «сейчас», в «эту секунду». В этом выступлении Лавров по большей части использует упоминания текущих событий с употреблением настоящего времени для описания продолжающегося давления «их» на «нас» на временной оси, формируя образ России как страны, не боящейся силы, активно сопротивляющейся полным злобы силам.

Через анализ временной проксимизации было установлено, что в речи формируется образ «их» злонамеренного поведения, начиная с прошлого, распространяющегося в настоящее время и представляющего огромную угрозу для будущего. Эта угроза наступает шаг за шагом, оказывая значительное воздействие на настоящее и будущее. В то время как

Россия выражает высокую степень ответственности, решительно противостоя «им», она также придерживается принципа равенства, учитывает интересы других стран, и настаивает на активной роли Организации Объединенных Наций и ее органов в разрешении международных конфликтов.

3.3. Проксимизация ценностей

Ценностная проксимизация относится к осознанию идеологического конфликта между ODC и IDC, то есть NP может быть воспринято тремя способами: 1) позитивная ценность IDC; 2) негативная ценность ODC; 3) характеристика происходит в процессе речи, не ограничивается одним или двумя предложениями: через линейное расположение лексико-грамматических фраз (lexicogrammatical phrases) конструируется негативная идеология ODC в пространстве IDC [Сар 2013]. В выступлении, когда NP воспринимается как позитивное обозначение IDC, часто используются такие слова, как *независимость, добровольный роспуск, безусловная поддержка* и так далее; когда NP воспринимается как позитивное значение ODC, часто используются такие слова, как *высокомерие, исключительность, кровавый переворот, истерия* и так далее; при построении негативной идеологии ODC в пространстве IDC часто используется линейная последовательность, включающая NP, указывающее на ценности ODC; NP, указывающее на более дальние возможности конфликта между ODC и IDC; NP, указывающее на более близкие возможности конфликта между ODC и IDC; NP, указывающее на конфликт между ODC и IDC на четырех уровнях. Эти отношения обобщенно представлены в таблице 3, примеры приведены ниже:

(4) *Когда-то, провозгласив победу в «холодной войне», Вашингтон возвёл себя чуть ли не в ране посланника Господа Бога на Земле, у которого нет обязательств, а есть только «священные» права безнаказанно действовать — как и где угодно. Зоной таких действий может быть объявлено любое государство — особенно если оно чем-то не угодило самопровозглашенным «хозяевам мира».*

Пример (4) включает в себя значения, такие как «посланник Господа Бога», «без обязательств», «есть только „священные“ права», которые относятся к ценностям ODC, то есть негативной идеологии ODC, воссозданной в пространстве IDC. Темпорально-пространственная дистанция в данном случае не уменьшается, а увеличивается от дальнего к ближнему, в соответствии с последовательным темпоральным рядом «прошлое — настоящее». Мы считаем, что создание негативной идеологии ODC в пространстве IDC может быть реализовано как от дальнего к ближнему, так и от ближнего к дальнему, в зависимости от потребностей говорящего. Пример (4) направлен на демонстрацию того, что негативное поведение актора «они» простирается до сегодняшнего дня и, возможно, распространится в будущем, если не будут приняты эффективные меры. Чувство кризиса будет только усиливаться. Прошлые поступки «их» могут объяснить неправильное поведение в настоящем и предсказать будущие действия «их». Построенный в выступлении образ России является положительным, справедливым, рисуется страна, обладающая ощущением кризиса, увлекающей и мобилизующей силой, охватывающей страны мира.

Таблица 2. Анализ проксимизации во времени

Категория	Типичные выражения	Образ государства
из прошлого к настоящему	已经完全征服欧洲的盎格鲁-撒克逊人来说, 乌克兰只是对抗俄罗斯消耗品 (Для англосаксов, уже полностью завоевавших Европу, Украина — это всего лишь расходный материал в противостоянии с Россией).	Угрозы из прошлого простираются и настоящее, формируя образ России, ориентированной на исторический опыт.
из будущего к настоящему	人们正在解决关于世界秩序未来的问题——任何一个秉持公正的观察者都清楚这一点 (Люди решают вопросы о будущем мирового порядка — это очевидно для любого справедливого наблюдателя).	Будущие угрозы сейчас должны быть выявлены и уничтожены в зародыше; формируется представление о наличии у России высокого уровня кризисного сознания.
настоящее актуальное состояние	在印太战略的旗帜下, 他们正在构建一些封闭机制, 破坏了几十年来围绕东盟发展起来的整个开放和包容的地区架构 (Под знаменем индо-тихоокеанской стратегии они строят некоторые закрытые механизмы, разрушая целую систему открытости и инклюзивности, выработанную вокруг АСЕАН за последние десятилетия).	Текущие угрозы и их сложность требуют от России значительных усилий для выявления и решения текущих проблем; формируется образ России как страны, готовой идти вперед в мировом сообществе.

Таблица 3. Анализ проксимизации в ценностях

Категория	Типичные выражения	Образ государства
NP как положительная ценность IDC	不帶偏見 (Без предвзятости), 工作民主化 (Демократизация рабочего процесса), 关键国际参与者 (Ключевые международные участники), 合格候选人 (Квалифицированный кандидат), 严格遵守国际法 (Строго соблюдать международное право), 积极潜力 (Активный потенциал), 强调自己立场 (Подчеркивать свою позицию), 继续推动发展 (Продолжать содействовать развитию), 智慧 (Мудрость), 天堂 (Рай), 个人责任 (Личная ответственность), 集体责任 (Коллективная ответственность), 政治意愿 (Политическая воля), 为后代创造条件 (Создавать условия для будущих поколений), 创建联合国 (Создание Организации Объединенных Наций), 民主 (Демократия), 公正 (Справедливость), 以社会为导向 (Ориентированный на общество), 持续的多极架构 (Устойчивая мультиполярная архитектура), 独立 (Независимость), 达成协议 (Достигать соглашений), 忍受 (Терпеть) 等。	Справедливость, свобода, демократия, не боящиеся насилия, готовые отстаивать всемирный мир.
NP как отрицательная ценность ODC	歇斯底里 (Истерия), 消极态度 (Негативное отношение), 不是民主 (Не демократично), 不愿意以民主准则为指导 (Не желающее руководствоваться демократическими принципами), 独裁 (Деспотичное), 对抗性 (Контрпродуктивное), 非固有的东西 (Негативное), 维持霸权 (Поддержание гегемонии), 非法制裁 (Незаконные санкции), 零和博弈 (Нулевая сумма), 地狱 (Ад), 恐怖 (Террор), 霸主秩序 (Орден гегемона), 霸主 (Гегемон), 新纳粹主义 (Неонацизм), 新殖民主义 (Новый колониализм), 单极世界模式 (Однополярный мировой порядок), 不负责任 (Неответственное), 不专业 (Не профессиональное), 厚颜无耻 (Бесстыдное), 令人发指 (Отвратительное), 怪诞 (Странные), 大言不惭 (Наглость), 傲慢 (Высокомерие), 例外主义 (Исключительность), 血腥政变 (Кровавый переворот) 等。	Зло, насилие, деспотизм, высокомерие, разрушение мирового порядка и мировой структуры.
Форма дискурса не ограничивается предложениями, а строится в IDC-пространстве через линейное расположение лексики, грамматических конструкций и фраз, формулируя негативную идеологию ODC.	NP относится к ценности ODC — вероятность более далекого конфликта NP указывает на вероятность конфликта ODC и IDC в отдаленной перспективе. NP указывает на вероятность близкого конфликта ODC и IDC. NP относится к конфликту ODC и IDC.	Описание постепенного нарастания угрозы со стороны «них» отражает образ России как страны с высоким уровнем кризисного сознания, напоминая «нам» о необходимости предотвращать явление «варки лягушки в теплой воде».

3.4. Выстраивание речевого пространства

На основе теории приближения [Chilton 2004; Cap 2013; Hart 2014a] попытаемся представить модель конструирования речевого пространства выступления (см. схему на рис. 2).

На схеме дейктический центр представляет собой «троицу», в которую входят: в пространственном аспекте — «мы», во временном — «сейчас», в аспекте ценностей — «гармония». Вокруг указательного центра группируются три основных поддерживающих оси: горизонтальная ось (во времени от

прошлого до будущего), вертикальная ось (пространственное расстояние от дальнего до ближнего) и перпендикулярная ось (в аспекте ценностей от негативного «другого» до позитивного «себя»). Эта модель, сфокусированная на указательном (дейктическом) центре и основанная на телесном опыте, выстраивает координаты от дальнего к ближнему. Овалы на схеме представляют собой точки отправления IDC и ODC, с направлением движения ODC к IDC в процессе оказания давления на IDC с точки зрения времени, пространства и ценностей.

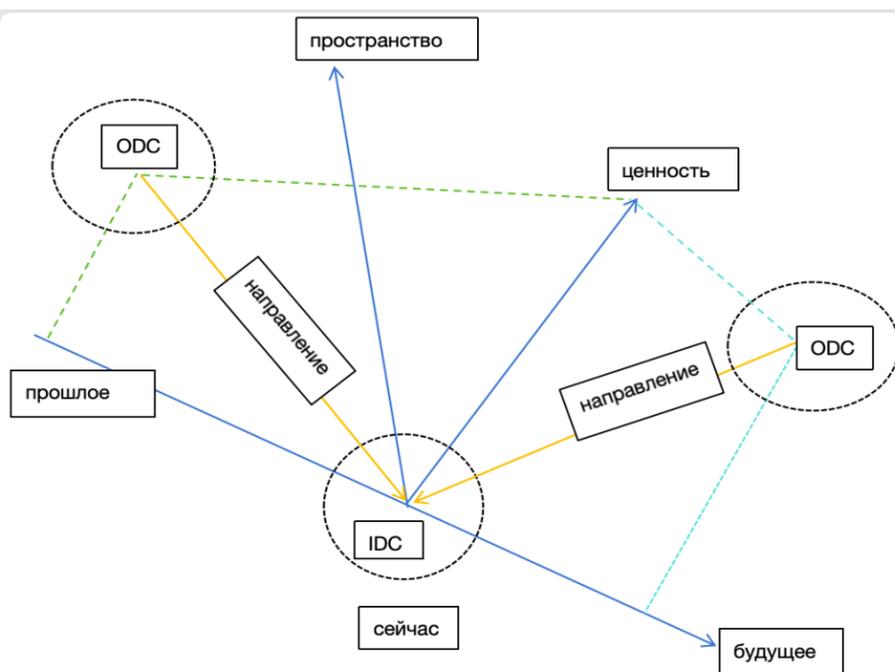

Рис. 2. Формирование языкового пространства в свете теории проксимизации

«Они», оказывая давление на «нас» как в пространственном, так и в ценностном аспекте, двигаются от дальнего к ближнему. То есть «они» приближаются к «нам» в психологическом и физическом отношении, и «их» негативные ценностные взгляды становятся ближе к «нашим» положительным ценностям. Единственная сложность заключается в аспекте «времени». Министр Лавров в своем выступлении использовал средства указания временной близости как в варианте «от прошлого к настоящему», так и «от будущего к настоящему». То есть совершался переход от подтверждаемых отрицательных действий «их» в прошлом к подтверждаемым отрицательным действиям «их» в настоящем, а также от потенциальных отрицательных действий «их» в будущем к подтверждаемым отрицательным действиям «их» в настоящем. Основная цель выстраивания указанного выше пространства речи заключается в формировании аргументации и активизации действий России в настоящее время, а также позитивных ценностей России «извлекать уроки из истории» и «чинить крышу, пока еще не пошел дождь».

3.5. Проведение речевой стратегии

Теория проксимизации позволяет проследить, как это явление становится средством операций конструирования, через имплицитные методы создавая дискурсивное пространство. Вокруг этого дискурсивного пространства группируются различные речевые стратегии, которые можно динамически выбирать для достижения цели убеждения. Например, в стратегии пространствен-

ного приближения, рассматриваемой в данной статье, именование IDC (внутреннего дейктического центра) и ODC (внешнего дейктического центра) происходит по-разному. В стратегии кадрирования, как утверждает Харт [Hart 2014a, b], кадрирование включает в себя два основных компонента: категоризацию и метафоризацию. Категоризация как средство может обусловить идентификацию аудитории с объектом изложения, и создатель речи может использовать категоризацию для передачи собственных субъективных желаний и идеологических установок аудитории с целью достижения речевых целей. В речи, например внутри фрейма «мы», применяются категоризованные обозначения, такие как «все», «независимо мыслящие люди», «нежелательные страны», а внутри фрейма «они» — такие обозначения, как «Запад», «соперник», «нацисты». Министр Лавров, исходя из различных форм обозначения концептов «мы» и «они», использует средства категоризации и метафоризации для построения дискурсивного пространства с применением стратегии пространственного приближения.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье с опорой на критические подходы когнитивной лингвистики проводится исследование по моделированию речевой системы политических лидеров с применением зарубежных научных теорий и вносятся в них определенные коррективы, тем самым предлагается новый подход для будущих исследований. Тем не менее в работе

проявляются общие проблемы, включая проблему субъективности в трактовке. Одной из основных проблем, с которой сталкивается критическая дискурсивная аналитика (CDA), является субъективность и проблема переинтерпретации [Hart 2014a]. Следовательно, в процессе аннотирования текстов необходимо стараться избегать субъективных оценок и, по возможности, применять трехстороннюю или многогранную верификацию. В то же время следует многократно использовать количественные методы как инструменты поддержки качественного исследования. Для будущих исследований в этой области представляют интерес следующие направления: 1) долгосрочная перспектива, в рамках которой можно рассмотреть изменения в методах использования стратегий приближения в высказываниях различных субъектов в разные временные периоды и выяснить причины этих изменений; 2) синхронная перспектива, позволяющая проанализировать различия в стратегиях приближения между разными переводами, а также выявить причины этих различий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Camilleri, J. *The End of Sovereignty? The Politics of a Shrinking and Fragmenting World* / J. A. Camilleri, J. Falk. — Aldershot : Edward Elgar, 1992. — Text : unmediated.
2. Cap, P. *Towards the proximization model of the analysis of legitimization in political discourse* / P. Cap. — Text : unmediated // *Journal of Pragmatics*. — 2008. — No 1. — P. 17–41.
3. Cap, P. *Axiological aspects of proximization* / P. Cap. — Text : unmediated // *Journal of Pragmatics*. — 2010. — No 2. — P. 392–407.
4. Cap, P. *Proximization: The Pragmatics of Symbolic Distance Crossing* / P. Cap. — Amsterdam : John Benjamins, 2013. — P. 163–199. — Text : unmediated.
5. Chilton, P. *Analyzing Political Discourse: Theory and Practice* / P. Chilton. — London: Routledges, 2004. — 258 p. — Text : unmediated.
6. Hart, C. *Discourse, Grammar and Ideology: Functional and Cognitive Perspectives* / C. Hart. — London : Bloomsbury, 2014. — 69 p. — Text : unmediated.
7. Hart, C. *Construal operation on online press reports of political protests* / C. Hart. — London : Bloomsbury, 2014. — P. 167–188. — Text : unmediated.
8. Hart, C. *Critical Discourse Analysis and Cognitive Science: New Perspectives on Immigration Discourse* / C. Hart. — Basingstoke : Palgrave, 2010. — 62 p. — Text : unmediated.
9. 刘文宇 徐博书. 从“伙伴”到“对手”:《美国国家安全战略报告》的话语空间分析. — *外语研究*: 2018 (6): 8-15+52. = Лю Вэнью. От «партнера» до «соперника»: анализ дискурсивного пространства «Доклада о стратегии национальной безопасности США» / Лю Вэнью, Сю Бошу. — Текст : непосредственный // Исследования по иностранным языкам. — 2018. — No 6. — С. 8–15+52. — (На кит. яз.).
10. 孙树茶. 趋近化理论视角下英语课堂话语体系构建研究. — *吕梁教育学院学报*: 2018(04):96-100. = Сунь Шуча. Исследование по построению дискурсивной системы в английских классах с точки зрения теории приближения / Сунь Шуча. — Текст : непосредственный // *Иностранные языки в Китае*. — 2018. — No 4. — С. 96–100. — (На кит. яз.).
11. 杨成. 多模态趋近化视阈下网络谣言的认知机制探索. — *东南传播*: 2019(08):10-16. = Ян Чэн. Исследование когнитивных механизмов сетевых слухов в перспективе мультимодального приближения / Ян Чэн. — Текст : непосредственный // *Юго-Восточная коммуникация*. — 2019. — No 8. — С. 10–16. — (На кит. яз.).
12. 张辉. 《恐惧的语言:公共话语中威胁的传达》评介. — *天津外国语学院学报*: 2018(02):150-156. = Чжан Хуэй. Язык страха: обзор «Передачи угроз» в общественном дискурсе / Чжан Хуэй. — Текст : непосредственный // *Журнал Тяньцзиньского университета иностранных языков*. — 2018. — No 2. — С. 150–156. — (На кит. яз.).
13. 张辉 杨艳琴. 批评认知语言学:理论基础与研现状. — *外语教学*: 2019(03):1-11. = Чжан Хуэй. Критическая когнитивная лингвистика: теоретические основы и исследовательское состояние / Чжан Хуэй, Янь Яньдин. — Текст : непосредственный // *Преподавание иностранных языков*. — 2019. — No 3. — С. 1–11. — (На кит. яз.).
14. 张天伟. 政治领导人演讲的话语体系构建研究——基于近体化理论的案例分析. — *中国外语*: 2016(05):28-35. = Чжан Тяньвэй. Исследование по построению дискурсивной системы речей политических лидеров: анализ примера на основе теории близости / Чжан Тяньвэй. — Текст : непосредственный // *Китайский иностранный язык*. — 2016. — No 5. — С. 28–35. — (На кит. яз.).
15. 张天伟 郭彬彬. 批评话语分析中的话语策略和识解操作研究. — *外语教学*: 2016(06):17-22. = Чжан Тяньвэй. Исследование стратегий и когнитивных операций в критическом дискурсе-анализе / Чжан Тяньвэй, Гуо Бинбин. — Текст : непосредственный // *Преподавание иностранных языков*. — 2016. — No 6. — С. 17–22. — (На кит. яз.).

REFERENCES

1. Camilleri, J.A., & Falk, J. (1992). *The End of Sovereignty? The Politics of a Shrinking and Fragmenting World*. Aldershot: Edward Elgar, 1992.
2. Cap, P. (2008). Towards the proximization model of the analysis of legitimization in political discourse. *Journal of Pragmatics*, 1, 17–41. (In Eng.)
3. Cap, P. (2010). Axiological aspects of proximization. *Journal of Pragmatics*, 2, 392–407. (In Eng.)
4. Cap, P. (2013). *Proximization: The Pragmatics of Symbolic Distance Crossing* (pp. 163–199). Amsterdam: John Benjamins.
5. Chilton, P. (2004). *Analyzing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledges, 258 p.
6. Hart, C. (2014). *Discourse, Grammar and Ideology: Functional and Cognitive Perspectives*. London: Bloomsbury, 69 p.
7. Hart, C. (2014). *Construal operation on online press reports of political protests* (pp. 167–188). London: Bloomsbury.
8. Hart, C. (2010). *Critical Discourse Analysis and Cognitive Science: New Perspectives on Immigration Discourse*. Basingstoke: Palgrave, 62 p.
9. Liu, Wenyu & Xu, Boshu (2018). From “Partnership” to “Adversary”: Discourse Space Analysis of the U.S. National Security Strategy Report. *Foreign Language Studies*, 06, 8-15+52. (In Chinese)
10. Sun, Shucha (2018). A Study on the Construction of Discourse System in English Classroom from the Perspective of Convergence Theory. *Journal of Lvliang College of Education*, 04, 96–100. (In Chinese)
11. Yang, Cheng. (2019). Exploring the Cognitive Mechanism of Online Rumors under the Perspective of Multimodal Convergence. *Southeast Communication*, 08, 10–16. (In Chinese)

12. Zhang, Hui. (2018). Review of “The Language of Fear”: Communication of Threat in Public Discourse. *Journal of Tianjin Foreign Studies University*, 02, 150–156. (In Chinese)

13. Zhang, Hui & Yang, Yanqin. (2019). Critical Cognitive Linguistics: Theoretical Foundations and Research Status. *Foreign Language Teaching*, 03, 1–11 (In Chinese).

14. Zhang, Tianwei. (2016). A Study on the Construction of Discourse System in Political Leaders' Speeches: A Case Analysis Based on the Theory of Proximity. *Chinese Foreign Language*, 05, 28–35 (In Chinese).

15. Zhang, Tianwei, & Guo, Binbin.(2016). A Study on Discourse Strategies and Interpretive Operations in Critical Discourse Analysis. *Foreign Language Teaching*, 06, 17–22 (In Chinese).